

DOCTOR WHOTM

BIG
FINISH

SHORT TRIPS: MONSTERS

A SHORT-STORY ANTHOLOGY



EDITED BY
IAN FARRINGTON

ДОКТОР КТО

**Короткие путешествия
(ST-09)**

Монстры

Антология рассказов
под редакцией Йена Фаррингтона.

**Short Trips (ST-09)
Monsters**

A Short-story anthology
Edited by Ian Farrington

Из вечности

Джим Мортимор

Переводчик Дубовиченко Антон

Редактор Галий Анастасия

<http://notabenoid.com/book/46816/188805>

«Мое сердце было создано, чтобы отзываться на любовь и ласку; а когда несчастья вынудили его к ненависти и злу, это насильственное превращение стоило ему таких мук, каких ты не можешь даже вообразить».

Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей»

«Почему мы помним только прошлое?»

Стивен Хокинг, «Краткая история времени»

Четыре миллиарда поколений сменились, прежде чем я осознал, что они были разумны. А когда я понял, что они пытались связаться со мной — было уже слишком поздно. К тому времени они были субкогнитивной органической слизью, вяло текущей через океан аминокислот, разнесённой ударом молнии из горячей атмосферы их расплавленной планеты.

Я наблюдал, как их солнце сжималось, скручивалось и взрывалось.

Впервые я видел нечто подобное.

Я задавался вопросом, было ли это важно.

Ладно, Доктор, я вижу у тебя много вопросов, так что позволь мне начать с самого начала.

Я был рождён во тьме. По крайней мере, до момента достижения мной достаточно зрелого возраста, чтобы задаваться

вопросами о своём происхождении и судьбе, я не знал света. У меня не было слова или образа для света, отсутствия тьмы. И всё же, я ещё познаю его, вскользь, в обрывочных мгновениях в самом конце моей жизни.

Что же я такое?

Материя, так же, как и ты. Атомы и молекулы, разделённые пустым пространством, тесно связанные с лежащей в основе квантовой пеной (пространство-время), из которой вытекают возможности. Перефразировать ответ?

Хорошо, хорошо, дай-ка подумать... ну, боюсь, что я не могу этого сделать. Но я могу добавить вот что: когда я был младше, было легко определить свойства квантовых частиц. Их вариации были, по-видимому, более ограничены, чем сейчас.

Но это очевидно, не так ли? Я имею ввиду, что Вселенная была побольше раньше.

Родители?

Пожалуйста, объясни значение этого слова, Доктор.

Ага, понимаю.

Простой ответ (всегда самый лучший, ты так не думаешь?) заключается в том, что если у меня действительно есть родители, то я их не помню. У меня могло быть любое количество происхождений. Настолько насколько я понимаю само понятие «родители», я мог бы быть результатом деления клеток, хотя не думаю, что я был не единственной копией, потому что, насколько я помню, до меня не было никого. Я был первым. Первый, кто существовал, первый, у кого было самосознание, первый, кто задавал вопросы, кто искал понимания. Я предполагаю, что ваш термин «непорочное зачатие» лучше всего описывает меня, но, очевидно, этот термин ясно намекает на прародителя. Честно говоря, я просто не помню. Я уже довольно стар. Даже когда я был молод, я не мог помнить каждую мысль, которая когда-либо возникала в моей голове. А ты бы смог?

Насколько стар?

Ну, довольно стар, Доктор. Неизмеримо стар, я полагаю.

Конечно, я могу только предполагать, но мне кажется, что чтобы быть тем, чем являюсь я, нужно было родиться в непрерывной буре из фундаментальных частиц. Сама материя, возникая из небытия, создала меня. Я был слеплен в самых суровых условиях, которые только можно вообразить, и вся материя во вселенной была создана вместе со мной. Зная то, что я был рождён во время непрерывного движения между вселенной без физической материи и вселенной, состоящей из физической материи, время, каким ты его понимаешь, лишено смысла, или скорее, имеет смысл, который меняется в зависимости от того, в каком состоянии мы пребываем.

Нет, прости, я не могу упростить эту формулировку. Ну разве что, я могу сказать, что я помню рождение старейшей физической материи, которая только существует во вселенной.

Ну, да, конечно я это помню. Это был первый раз, когда я впервые столкнулся с проблемой понимания того, что я встретил такую же физическую материю, из которой состоишь ты.

Я сделал специальную заметку.

А ты бы так не сделал?

А! Думал меня подловить на этом, так ведь? Да, я состою из физической материи, всё в этой вселенной из неё состоит. Но материя, из которой состою я, изменяется, в то время как я существую, но не разрушается.

Ты не понял? О, извини, Доктор, я попробую перефразировать.

Смотри: вещества и электрические разряды, которые составляют твои воспоминания, находятся в постоянном движении. Материя и энергия распадается и преобразуется, всё время меняя своё состояние неисчислимым количеством способов. Преобразования физической сущности твоего разума

протекают более неистово, чем любая война, но замечаешь ли ты пробелы в своём непрерывном существовании? Конечно, нет.

Так же, как не замечаю и я.

Это просто вопрос масштаба.

Ладно. Пока мы не ушли от темы, почему бы нам не поговорить о войне?

Шло время. В другой части вселенной родилось новое солнце. В этот раз я наблюдал за процессом более пристально.

В отличие от первой звезды, которая спонтанно возникла из крошечного, но быстро расширяющегося шара железа, формируя раскалённую бело-голубую сферу, этот процесс был совсем другим.

Эта вторая атомная печь начала своё существование как сокращающаяся оболочка из газа и энергетических частиц. Спустя время, гравитация смешала эти составляющие вместе в комок водорода, который загорелся под своей тяжестью. Когда радиационная вспышка утихла, солнце было огромной, тусклой массой, продолжающей сокращаться, но теперь уже окружённой меньшими, более холодными кусками породы и тяжёлых металлов, только недавно выброшенных вечно сияющей фотосферой. Красный цвет медленно становился жёлтым, в то время как случайные частицы энергии соединялись со свободными атомами, формируя молекулярную связь и прочные структуры, уникальные для физической материи. Пространство вокруг красных звёзд было значительно меньше загромождено, нежели вокруг голубых звёзд.

Я ждал, размышляя над тем, что же ещё могло пересечься с чем-то, с чем оно ещё не пересекалось. Моё терпение было вознаграждено, когда, спустя некоторое время, несметное количество симметричных металлических объектов показалось из глубин Вселенной, вяло приближаясь к солнцу. Глыбы собирались вокруг внутренних планет солнечной системы,

проделывая путь между ними так запутанно и красиво, как частички в ядре атома.

Наконец-то появились образцы, которые я искал.

Пути, по которым разумные существа путешествовали меж одиноких звёзд.

Теперь я начал прислушиваться. Само собой, они начали говорить. Но в отличие от предыдущих, они не замечали моего присутствия. Я ненадолго задался вопросом, о чём же они могут думать, но слишком быстро они перестали думать. Задолго до этого, они перестали двигаться между планетами.

Их замысловатая структура превратилась в хаотическое движение, руководствующееся только притяжением природных тел. Вскоре, все, кто остался, собрались на одной планете, и даже их численность быстро сокращалась. Их способность к общению исчезала, так же, как и понимание вселенной вокруг них, языка, орудий труда. Так же, как и их предшественники, этот новый вид увял и погиб, их последние мгновения были озарены безумием саморазрушения. А затем последовало неизбежное растворение жидкости и последующий взрыв их солнца.

В мгновение ока их не стало во Вселенной.

За всё время своего существования я не видел ничего подобного: два различных вида разумных существ, так разделённые Вселенной, что лучи их солнц никогда бы не встретились, были уничтожены одним и тем же неотвратимым процессом.

Тогда я впервые познал страх. Конечно, у меня не было для него слова. Слово пришло позже, неразрывно связанное с другим словом.

Войной.

Ну ладно, не думай об этом как о войне. Думай об этом, как о неизбежной перемене. Вот чем на самом деле является война. Яростная смена одного состояния бытия на другое. Это

вселенский процесс. Сейчас я вижу его везде. Но не всегда было так. Самую большую часть времени, дольше, чем жизненный срок звёзд, во Вселенной был мир. Холодный, неизменный мир. А потом пришла война.

Прошу прощения?

Да, конечно, Доктор, извини, ты вполне прав. Возможно, инфекция будет словом получше. Да, так и есть.

Инфекция, распространяющаяся от звезды к звезде, от человека к человеку, от Разума к Разуму.

Я был первым Разумом. Я наблюдал, как он зарождался. Наблюдал как Разум цвёл, увядал и умирал, пав жертвой какой-то неизвестной, неопределённой инфекции.

Тогда я познал боль. Одиночество и сожаление.

И смерть. О да, и её я познал впервые.

Понимаешь, они были на моей ответственности.

Я должен был предупредить их всех.

Об инфекции.

О войне.

Знаешь, Доктор, разговаривая вот так с тобой, глядя в твоё резко очерченное лицо, наблюдая за твоим толстокожим высокомерием, я чувствую, что совершил ошибку. Вот, что ты заставляешь меня чувствовать. Что я каким-то образом неадекватен, и должен чувствовать себя виноватым за те неправильные поступки. Если бы ты только знал дороги жизни, которыми я прошёл, жизни галактик, которые я позабыл. Если бы я мог дать тебе хоть взглянуть на —

Прошу прощения?

Извини, конечно, ты прав. Время жалости к самому себе давно уже прошло. Сейчас мы должны говорить не об оправдании, а об объяснении и искуплении. Мы должны убедиться в том, что такого больше не повторится.

Уже давно пришло время для формирования новой модели Разума.

Давай ещё раз начнём с начала.

У меня нет имени.

Я — зло.

Я жажду познать раскаяние и заслужить прощение за свои грехи.

Да, Доктор, я согласен. Пришло самое время, чтобы вспомнить эти грехи.

Время шло, и свет распространялся по Вселенной. Звёзды, уже не так далеко друг от друга, чтобы их фотонное излучение не пересекалось, заполнили вселенскую тьму, расцветая, собираясь в скопления, подпитываемые гравитацией. Их масса побуждала гладкую, холодную красоту Вселенной формировать узлы и водовороты. Рождались разрозненные галактики: сначала далеко друг от друга, потом — ближе. Некоторые из них сталкивались. Энергия была в изобилии. Вселенная стала бешеной, обладающей огромной энергией частичкой бытия, частичкой перемен.

В конце концов я неизбежно встретил Разум вновь.

В этот раз, связь между нами наладилась мгновенно. Я надеялся на лучший исход, но мои надежды прожили не долго. Хотя мы и смогли определить общий уровень нашего словарного запаса из символов и сходных языковых образов, но оказалось невозможным поддерживать осмысленную нить разговора во время каких бы то ни было контактов. Этот Разум, хотя и был определённо умён, обладал ужасающе короткой памятью. Непрерывность для них была невозможна. Было похоже на то, что каждое новое поколение этого Разума рождалось с меньшими познаниями, чем их предшественники.

Долгое время я был убеждён, учитывая обстоятельства, что этот новый Разум намеренно притормаживался.

Тогда я познал разочарование. И злость.

Тогда, в отчаянии, я впал в ярость.

Теперь я понимаю, как я был не прав, тогда же всё было совсем по-другому.

В то время у меня было непреодолимое желание помочь им. После встречи с Разумом, не похожим на мой, у меня теперь была модель, в рамках которой я мог понять значение изоляции. Я был одинок, и из-за моего нового понимания времени я осознал, что я был одинок так долго, что любой другой бы уже спятил на моём месте. Хуже того — я боялся, что если эта неизвестная инфекция и разрушение Разума будут продолжаться, я останусь один на один со всей бесконечностью Вселенной. Испытав однажды, теперь я хотел избежать этого любой ценой.

И вот тогда я отчаялся. Очевидно, моим долгом было взрастить эти новые Разумы, защитить их от инфекции, получить которую они были обречены, в надежде, что однажды я смогу выстроить длительные взаимоотношения с ними.

Любовь?

Дай определение этому слову, пожалуйста.

А, понятно. Да. Ну, Доктор, если ты определяешь это слово подобным образом, я считаю, что ты прав. Я жаждал любви и не мог её обрести.

Вот почему я начал причинять им вред.

Сказать тебе, что я делал?

Я не уверен, что я...

Я имею в виду, что воспоминания...

Да, хорошо. Я знаю, что должен освежить в памяти те времена, если надеюсь на искупление.

Это просто очень болезненно для меня. Зная то, что я знаю сейчас, соотнося эти знания с моими поступками давным-давно.

Каким образом описать мои воспоминания?

Хорошо. Согласен, простое описание для начала. Хотя я должен отметить, что я чрезвычайно напуган этим процессом.

Нет, Доктор.

Спасибо за предложение, но я вынужден отказаться.

По большей мере из-за того, что я не отдыхаю. Но если точнее, то исходя из взаимодействий с вашим видом Разума, я чувствую, что любая задержка в процессе оценки сейчас сделает решение спорным.

Стану ли я когда-нибудь жестоким снова?

Я могу только сказать, что у меня нет таковых намерений сейчас.

Конечно, Повелители Времени должны сами решить, говорю ли я правду.

Лишение свободы?

Доктор, я не понимаю. Мы ведь уже согласились, что никто из вас не может подвергнуть меня какому-либо принудительному заключению или лишению свободы.

Обещание?

Ты можешь объяснить значение этого слова?

Я не понимаю. Ты можешь его объяснить ещё раз, используя другие предложения?

Похоже, что я понимаю.

Ну, если ты уверен, что добровольного заявления о намерениях будет достаточно, то я с радостью дам слово.

Я торжественно клянусь не причинять вреда тебе или кому бы то ни было из собравшихся здесь, кто пришёл оценить моё намерение в поисках отпущения моих грехов, ни под каким предлогом и так далее.

Этого достаточно?

Всегда пожалуйста. Как мне продолжать?

Понял. Хорошо. Вот простое описание моих взаимоотношений с видом Разума известным как Айархо.

Я постараюсь оставаться спокойным.

Я встретился с Айархо так же, как и со всеми другими обречёнными видами Разума до этого. Разница была в том, что в этот раз, я знал, чего следовало ожидать. Я знал, что должен

передать моё предостережение настолько быстро, насколько это возможно, до того как они станут жертвой инфекции, опустошающей Вселенную. Судя по моему опыту, уровень заражаемости был стопроцентный, а шанс на поправку — нулевой. Каждый вид, который был заражён — был уничтожен, и каждый вид который я когда-либо встречал — стыкался с этой болезнью. Будучи даже таким древним и могущественным, я чувствовал бессилие перед этой безымянной угрозой. Я должен был сделать что-то. Мои предыдущие попытки связаться провалились, дорого они обошлись как мне, так и Разуму. Я терпел неудачу в своей ответственности. Мне нужно было попробовать нечто иное.

Моя первая встреча с Айархо произошла в бездне между галактиками. Я встретил один из их странствующих симметричных объектов, металлический предмет наполненный подвешенной органической материей, путешествующий на скорости, которую они считали огромной, меж звёзд.

Я установил контакт с расширением в объекте, ответственным за принятие решений и навигацию, и описал угрозы вымирания, с которыми столкнулся его вид. Интеллект ответил с любопытством, но без страха. Я продолжал усиливать значимость опасности. Разум указал, что он не чувствовал угрозы для себя. Зная, что у меня мало времени и что последующие поколения Разума Айархо не смогут поддерживать постоянную и последовательную связь, я определил для себя, что единственный эффективный план действий — это создать непосредственную угрозу для существования Разума, с которым я связался. Моим намерением было предоставить ему возможность осознать настоящую, безотлагательную опасность и таким образом научиться защищать себя, когда бóльшая опасность возникнет в будущем.

Получив достаточно времени для подготовки, Айархо могли бы выжить.

Я уничтожил органический груз.

Объект не ответил так, как я надеялся. Он не боялся. Я не пытался связаться с кем-либо ещё из представителей этого Разума.

Меня не удивила эта реакция. По моему опыту, Разум часто вёл себя иррационально, пренебрегая логическим порядком вещей. Но я был готов к такой возможности и знал, что нужно было делать дальше.

Моя вторая встреча с Айархо состоялась внутри оболочки, которую они построили вокруг маленькой бело-голубой звезды. По их стандартам оболочка была колоссальным, невероятным достижением. Оболочка находилась на орбите бело-голубой звезды у экватора, полярные регионы противостояли солнечной гравитации за счёт труб диаметром с луну, по которым с орбитальной скоростью под правильными относительно оболочки углами качалась вода. Ночной и дневной циклы были обеспечены огромными парусами, находящимися на орбите вместе с оболочкой. Это был инженерный подвиг, который будоражил воображение, но Айархо, которых встретил я, использовали смоляные кристаллы для хранения информации, которые содержали их историю, как топливо для костров и жили в пещерах, в то время как их великолепные города были домом лишь для падальщиков и буйно разросшихся джунглей.

Я задался вопросом — столкнулись ли уже Айархо с неизбежной инфекцией?

Мне удалось наладить контакт после смены облика, приняв лик того, кто, как я думал, был одним из их божеств. Но и в этот раз контакт не слишком удался. Я показал им древние города и разруху, до которой они опустились; я позволил им взглянуть на величие, которое провело их через Вселенную к их новому дому.

Они узрели всё, но не поняли ничего.

Я рассказал им о болезни вокруг звёзд, которая поглотит их, если они не внимлют моему предупреждению. Они пресмыкались, страдали, приносили в жертву молодёжь — и всё во имя моё. Но они не понимали.

В конце концов, я низринул голубой огонь на их племена через дыры в коже их мира. Они отреагировали довольно предсказуемо, их жизнь текла к джунглям, тогда как воздух, которым они дышали, вытекал в большую вселенную, в которую они больше не верили.

Я не мог вытерпеть их боль и страх, поэтому я оставил Айархо наедине со своей неизбежной смертью, для того, чтобы вместо этого проследовать древними путями назад к месту их происхождения.

Айархо были видом Разума, который путешествовал меж звёзд. Я мог позволить этому компоненту исчезнуть — жертва, сделанная охотно, для того, чтобы спасти вид.

Моя третья встреча с Айархо случилась в геодезическом сооружении гигантского размера, находящимся на орбите чёрной дыры, почти такой же большой, как та, из которой я наблюдал за рождением первой материи в буре свободных электронов. Здесь жил Разум, который давно утерял свою сущность среди разрозненных регионов галактики, снабжаемый топливом через изобретательное преобразование случайных электронов, свободно вылетающих из горизонта событий.

Здесь, где жизнь и смерть были настолько тесно связаны, как никогда прежде в истории Айархо, состоялась долгожданная встреча с Разумом.

И здесь мои надежды покинули меня навсегда.

Хотя Айархо были невероятно продвинутым видом Разума, они уже страдали из-за потери информации между поколениями, которая была такой непреодолимой преградой для моих предыдущих попыток связаться с другим Разумом во Вселенной. На самом деле, сейчас их жизни были как никогда коротки,

явный признак прогрессирующей инфекции и зарождающейся смерти.

У меня не было иного выхода, кроме как покинуть всяческие попытки коммуникации, в надежде, что простое нападение даст достаточно разумным представителям Айархо импульс, необходимый для подготовки к главной стадии инфекции, которая, я точно знал, придёт.

Я изменил сильную молекулярную связь в материи, из которой было сделано их геодезическое сооружение.

Я наблюдал, в многообещающем предвкушении, как конструкция провалилась в чёрную дыру. Там было неисчислимое количество Айархо, и я увидел, как каждый ощущал момент смерти с ужасом и безумием. И всё же их смерть не послужила уроком остальным.

Когда последний Айархо погиб, медленно разрываемый гравитацией, я задумался над тем, не совершил ли я ошибку. Я смотрел как свободные электроны вырывались из горизонта событий, и тщательно обдумывал мои действия.

Нет. Я действовал во благо и с самыми лучшими намерениями. Я наблюдал, как могло делать только существо с моим долголетием и силой, эволюцию и действия каждого наделённого интеллектом вида Разума, которого я встречал. Их рождение, объединение, вспышку интеллекта и длинное погружение в необъяснимую инфекцию — всё было зафиксировано и осталось навсегда высеченным в моей памяти. Мои действия по отношению к Айархо были тщательно обдуманы и безупречно выполнены. Я не совершил ни единой ошибки.

Вина целиком была на самих Айархо.

Что-то в строении их интеллекта делало их невосприимчивыми к предвидению или даже пониманию собственного уничтожения.

К счастью, Айархо всё ещё существовали во Вселенной. По более старым, слабым следам, я в итоге прибыл к их родному миру, где началась моя последняя встреча. Но сейчас время было против меня, ибо я знал, что скоро инфекция достигнет заключительной стадии. Айархо деградируют до состояния животных, разорвут друг друга на куски своим собственным оружием, потому что их интеллект не сможет им ничем помочь, в конце концов превращаясь в пар, когда сперва их планета, а затем и солнце, канут в Лету. Потом ещё один уникальный для Вселенной Разум безвозвратно исчезнет, унося с собой ещё одну из моих постоянно сокращающихся возможностей познать любовь.

Прискорбно, но эта фаза моей попытки спасти Айархо была самой короткой. Теперь лишь одна могла понять меня, но и та уже полностью отдала себя безумию предвидения. Я наблюдал, как её сверстники надевали на неё терновник и приносили в жертву во имя её же матери, и знал, что я проиграл.

Я мог только скорбеть о смерти ещё одного Разума.

Не в силах вытерпеть последние предсмертные муки, я изменил атомную массу водорода в звезде Айархо.

По крайней мере, их кончина была быстрой.

Милосердный?

Конечно, я полагал, что был милосерден. Иначе зачем ещё стал бы я наносить последний смертельный удар?

Тогда я не знал того, что знаю сейчас: на что ты, Доктор, и Повелители Времени так жестоко обратили моё внимание.

Я не осознавал, что время для меня двигалось в другую сторону, нежели для всех остальных живых существ во Вселенной. Я не знал, что был рождён в конце всего — не первый Разум, а последний. Что то, что я воспринимал как ужасную инфекцию, было просто естественным порядком эволюции для всей другой жизни, кроме меня.

Если нам повезёт, понимание приходит к нам перед концом. Поэтому, я считаю, что мне не воздали должное за мои грехи. Настоящая правда в том, что понимание ко мне пришло ценой многих видов, таких как Айархо.

Я не прошу признать меня невиновным, так как я знаю, что я виновен в таком зле, которое находится вне любого приговора, который вы можете вынести. По правде, ни на что большее я не надеюсь, кроме как показать мои трагические намерения, и не предлагаю в качестве возмездия ничего сверх знания, что я буду существовать сквозь всё время, в конце концов прибыв в место, которое вы называете началом всего, и найду там свою одинокую смерть — в сингулярности, которая является для меня неизбежной судьбой, в вечно сжимающейся Вселенной.

За всё это время я не познаю любовь.

Искупление?

Конечно, я желаю его. Но теперь я знаю, что я никогда не заслужу его. Даже я не могу повернуть время вспять.

И вот так, Доктор, я покидаю тебя, полностью осознавая свою слишком человеческую трагедию, с такими извинениями, какие только такой обманутый, как я, может принести.

Желаю тебе всего наилучшего и надежду на большее.

Прощай.

Время прошло. Краткий, мелькающий миг света в конце Вселенной. Я переждал коллапс, чувствуя как моя собственная структура сжимается вместе со Вселенной. Конец скоро — я знал это. Айархо не стало, их предков не стало, Доктора и его вида не стало. Остался только я. Время и материя сжались. Жар увеличился, крутой склон, на который я рад был взобраться, чтобы встретить конец Разума, станет началом всего.

Стены Вселенной давили на меня, заточая меня так, как не смог бы ни один Разум. Я был определён пространством, в

котором я существовал, и теперь это пространство заканчивалось.

Преисполненный чувств, наконец-то, я почувствовал, что конец был близок. Я не чувствовал боли. Только свет, настолько мощный, что он давил на меня физически.

Давление стало непреодолимым, невыносимым.

Вот так это — умирать? Знать, что воодушевление кончилось? Познавать разочарование, так как всё, на что ты надеялся, к чему стремился, было бесполезно, и оно исчезнет в отрезок времени, настолько короткий, что его даже нельзя измерить?

Я наблюдал за концом всего Разума, всей жизни во Вселенной. Теперь была моя очередь. Одинокого, в начале всего, стёртого с лица бытия, внутри того, что будет для них сингулярностью бессмысленного потенциала.

Их рождение, моя смерть.

Я ждал.

Последнее мгновение во Вселенной закончилось, но я — нет.

Вместо этого появилось внезапное озарение.

Я не был одинок! Я даже не умирал! Я кричал, пел, каждая частичка меня менялась, кипя новой жизнью и энергией. Тогда пришло озарение, а вместе с ним и понимание, которое я бы никогда не постиг, будучи связанным лишь одной Вселенной.

Озарение, что есть много других Вселенных, каждая из которых расширяется бесконечно внутри своей оболочки измерений. Что оболочки двигаются внутри большего пространства, в направлениях, которые я ранее даже не мог себе представить. Сталкиваясь, потенциальная энергия внутри оболочек выделяет энергию. Сингулярности порождают вселенные, каждая из которых воспитывается внутри своей собственной вечности.

В конце такой вселенной рождён я. Я уверен, что я одинок навсегда. И всё же я не понимаю, что такое «навсегда». Другие вселенные означают другие Разумы. Разумы, подобные мне. Бесконечное количество Других, живущих и контактирующих, коротко и нечасто, всю вечность.

Оболочки приближаются, касаются, расходятся, оставляя новые сингулярности зажжёнными в местах, где только что была лишь потенциальная энергия. В пространстве, где время неизмеримо, момент уничтожения идёт вспять.

Я живой.

Живой!

И я наконец-то познал любовь.